

DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-6-6-17

УДК 330.354,330.357,330.534.4(045)

JEL H50, O40

Влияние динамики и структуры государственных расходов на экономический рост Российской Федерации в отраслевом разрезе

А.И. Егорова^а, Н.С. Леоненко^б^а Центральный экономико-математический институт Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация;^б Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования является оценка влияния государственных расходов на экономический рост Российской Федерации в отраслевом разрезе. **Цель** исследования — выделение параметров, вызывающих изменения в государственных расходах и, как следствие, оказывающих наибольшее влияние на динамику экономического развития Российской Федерации. **Методологической основой** данной работы являются экономико-статистический и аналитический методы обработки информации. **Задачами** исследования стали: обоснование термина «геополитические события» и определение наиболее значимых событий последних лет, относящихся к Российской Федерации, которые, в свою очередь, оказывали влияние на государственные расходы; изучение изменений в структуре расходов федерального бюджета Российской Федерации; изучение динамики валовой добавленной стоимости отдельных отраслей экономики Российской Федерации. **В результате** к числу геополитических событий были отнесены: принятие Крыма в состав Российской Федерации, пандемия COVID-19 и проведение специальной военной операции. Расчеты показали существенные различия в структуре государственных расходов и экономическом росте во время разных геополитических событий. Сделан **вывод**, что в части государственных расходов изменению подвергается вся структура федерального бюджета, причем структурно это напрямую соответствует характеру геополитического события. В то же время изменение объема и структуры государственных расходов, если они направлены на загрузку предприятий реального сектора экономики, в значительной мере влияет на динамику валовой добавленной стоимости, но это влияние распространяется только на ограниченный круг отраслей экономики.

Ключевые слова: экономический рост; расходы федерального бюджета; валовая добавленная стоимость; геополитика; пандемия COVID-19; западные санкции; принятие Республики Крым в состав Российской Федерации; специальная военная операция

Для цитирования: Егорова А.И., Леоненко Н.С. Влияние динамики и структуры государственных расходов на экономический рост Российской Федерации в отраслевом разрезе. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(6):6-17. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-6-6-17

ORIGINAL PAPER

The Impact of the Dynamics and Structure of Government Spending on the Economic Growth of the Russian Federation in the Sectoral Context

A.I. Egorova^а, N.S. Leonenko^б^а Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;^б Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The subject of the study is to assess the impact of government spending on the economic growth in the Russian Federation from a sectoral perspective. **The purpose** of the study is to identify the parameters that cause changes in government spending and their impact on economic development in Russia. **The methodological basis** of this work is the economic, statistical and analytical methods of information processing. **The objectives** of the study are: to substantiate the term “geopolitical occurrence” and to identify the most significant occurrences related to the Russian Federation, which have affected government spending; to analyze changes in the composition of federal budget expenditures in Russia; to examine the dynamics of gross value added in various sectors of the Russian economy. **As a result**, the accession of Crimea to the Russian Federation, the COVID-19

pandemic, and the Special Military Operation have been among the geopolitical events. The calculations show significant differences in the structure of government spending and economic growth between various geopolitical occurrences. **The conclusion** is that the entire structure of the federal budget is undergoing changes related to government spending, and structurally this directly corresponds to the nature of geopolitical events. At the same time, changes in the volume and structure of government spending can significantly affect the dynamics of gross value added in certain sectors of the economy if they are aimed at supporting businesses in the real economy. However, this effect is limited to a certain range of sectors.

Keywords: economic growth; government expenditures; gross value added; geopolitics; COVID-19 pandemic; Western sanctions; accession of Crimea to the Russian Federation; Special Military Operation

For citation: Egorova A.I., Leonenko N.S. The impact of the dynamics and structure of government spending on the economic growth of the Russian Federation in the sectoral context. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(6):6-17. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-6-6-17

ВВЕДЕНИЕ

Российская Федерация играет значимую роль в глобальной политике и экономике, а также занимает крупнейшую площадь территории среди стран мира, что неизбежно делает ее участницей многих геополитических событий. Экономические последствия в результате таких событий [1–3] приводят к ограничению финансово-экономических ресурсов, имеющихся в распоряжении федеральных и региональных органов исполнительной власти, а также актуализируют задачу по целеполаганию в отношении формирования бюджетного плана [4].

Однако прежде, чем переходить к изучению российского и зарубежного опыта по оценке геополитических событий как одного из факторов влияния на финансовую и экономическую систему страны, необходимо определить значение самого термина «геополитические события». В его основе лежит термин «геополитика», который, согласно Большой российской энциклопедии, обозначает направление политической науки, изучающее теоретические и практические проблемы мировой экономики, закономерности и основные тенденции развития и функционирования международной жизни¹. Другие толкования указывают также и на географическую природу данного термина: «геополитика» — это политологическая концепция, согласно которой политика государств, в основном внешняя, предопределяется географическими факторами (положением страны, природными ресурсами, климатом и др.)².

Обобщая различные вариации основополагающего термина «геополитика», можно заключить, что геополитические события происходят одновременно из экономических, политических и географических предпосылок, в результате чего

приобретают глобальный характер, оказывая влияние на финансовую и экономическую систему различных стран по всему миру.

В Российской Федерации по этому признаку можно выделить 3 крупных события последних лет:

1. Присоединение Крыма в 2014 г., вызвавшее первую крупную волну введения западных санкций и девальвацию рубля.
2. Пандемия COVID-19, вызвавшая ухудшение демографической ситуации, спад производства, нарушение международных торговых потоков.
3. Проведение специальной военной операции (далее — СВО), вызвавшее еще больший рост санкционного давления и обрыв экономических связей с западными странами.

Все три события имеют политическую составляющую (в том числе пандемия COVID-19, если учитывать взаимные обвинения некоторых стран об ее искусственном происхождении [5]); географическую составляющую, так как основываются на положении стран на карте мира (к примеру, темпы распространения коронавирусной инфекции напрямую зависели от уровня глобализации стран); а также экономическую составляющую, поскольку оказывали очевидное влияние на финансовую систему и экономическое развитие Российской Федерации. Эти события носили глобальный масштаб и могут быть классифицированы как геополитические.

СВО является крупнейшим геополитическим событием для Российской Федерации в XXI в. Ее проведение привлекло внимание ученых не только в нашей стране, но и за рубежом. Количественные измерения проводят в целях изучения финансовых и экономических последствий вооруженных конфликтов [6, 7], для изучения вклада оборонно-промышленного комплекса (далее — ОПК) в экономический рост страны [8], для создания теоретических подходов к изучению эффективности государственных военных расходов [9, 10].

Не менее высокий интерес к оценке финансовых и экономических последствий в свое время вызывали присоединение Крыма [11] и пандемия

¹ Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2352503 (дата обращения: 10.06.2025).

² Большой энциклопедический словарь. URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/15029-ГЕОПОЛИТИКА> (дата обращения: 10.06.2025).

COVID-19 [12–14]. Тогда и сейчас одним из наиболее чувствительных элементов финансовой и экономической системы к геополитическим событиям становилась бюджетная политика [15], поскольку ослабление курса рубля, санкции, удорожание импортной продукции и т.д. [16] требуют кардинального изменения структуры государственных расходов.

Геополитические события также могут оказывать влияние на экономический рост и через денежно-кредитную политику государства [17]. Однако, если первоочередной целью становится таргетирование инфляции [18], как в Российской Федерации, то возможности экономического роста ограничены [19, 20]. К примеру, несмотря на то, что рост ВВП и снижение инфляции являются целью денежно-кредитной политики [21], в Российской Федерации эти макроэкономические параметры за период 2000–2020 гг., по расчетам С.Ю. Глазьева, оказались нечувствительными к применяемым инструментам [22], а с 2022 г. их применение даже оказывает отрицательное воздействие на экономический рост, при этом слабо влияя на сдерживание инфляции [23].

Влияние геополитических событий охватывает и такие аспекты, как динамика промышленного производства [24], демографическая ситуация [25] и пр., но в данном исследовании фокус внимания направлен на изучение последствий для экономического роста Российской Федерации через изменение объема и структуры государственных расходов как одного из наиболее явных индикаторов влияния геополитических событий.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследования является выделение параметров, вызывающих изменения в государственных расходах и, как следствие, влияющих на динамику экономического развития Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

- обосновать термин «геополитические события» и определить наиболее значимые события для Российской Федерации, выделив по ним периоды для статистического анализа;
- изучить структуру расходов федерального бюджета Российской Федерации и ее изменения;
- изучить динамику валовой добавленной стоимости в разрезе отраслей экономики Российской Федерации.

В работе применялся экономико-статистический метод обработки информации, позволивший выделить периоды и отрасли экономики, характеризующиеся наиболее значимыми изменениями для российской экономики. Кроме того, был применен

аналитический метод, позволивший выявить причинно-следственную связь между геополитическими событиями, государственными расходами и изменениями в экономическом росте Российской Федерации.

Для исследования был взят период, охватывающий все 3 наиболее крупных геополитических события Российской Федерации последних лет (2013–2024 гг., а также прогнозный период на 2025–2027 гг., учитываемый в актуальном проекте федерального бюджета). Оценка включает анализ по двум направлениям: по динамике государственных расходов и по динамике валовой добавленной стоимости (далее — ВДС) отраслей экономики Российской Федерации.

В качестве источников использовались российские базы данных (социально-экономические показатели Росстата и данные Минфина РФ о проектах федерального бюджета).

Для анализа были использованы данные 13 проектов федерального бюджета: начиная от проекта, сформированного в 2012 г. на период 2013–2015 гг., заканчивая проектом, сформированным в 2024 г. на период 2025–2027 гг. В рамках анализа все статьи расходов были объединены в крупные блоки:

- Военные расходы («национальная оборона» + «национальная безопасность и правоохранительная деятельность»).
- Социальные расходы («социальная политика» + «здравоохранение» + «образование» + «культура и кинематография» + «физическая культура и спорт»).
- Экономические расходы («национальная экономика»).
- Прочие расходы («обслуживание государственного и муниципального долга» + «межбюджетные трансферты общего характера» + «общегосударственные вопросы» + «жилищно-коммунальное хозяйство» + «охрана окружающей среды» + «средства массовой информации»).

При пересчете объемов государственных расходов в сопоставимые цены был использован показатель Росстата «Индексы потребительских цен на товары и услуги».

Для анализа динамики экономического роста использован показатель Росстата «Индексы физического объема валовой добавленной стоимости по отраслям экономики».

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ проектов федерального бюджета показывает, что государственные расходы быстро реагируют на внешнюю и внутреннюю конъюнктуру.

В 2014–2016 гг. российская экономика попала в «идеальный шторм», когда одновременно стол-

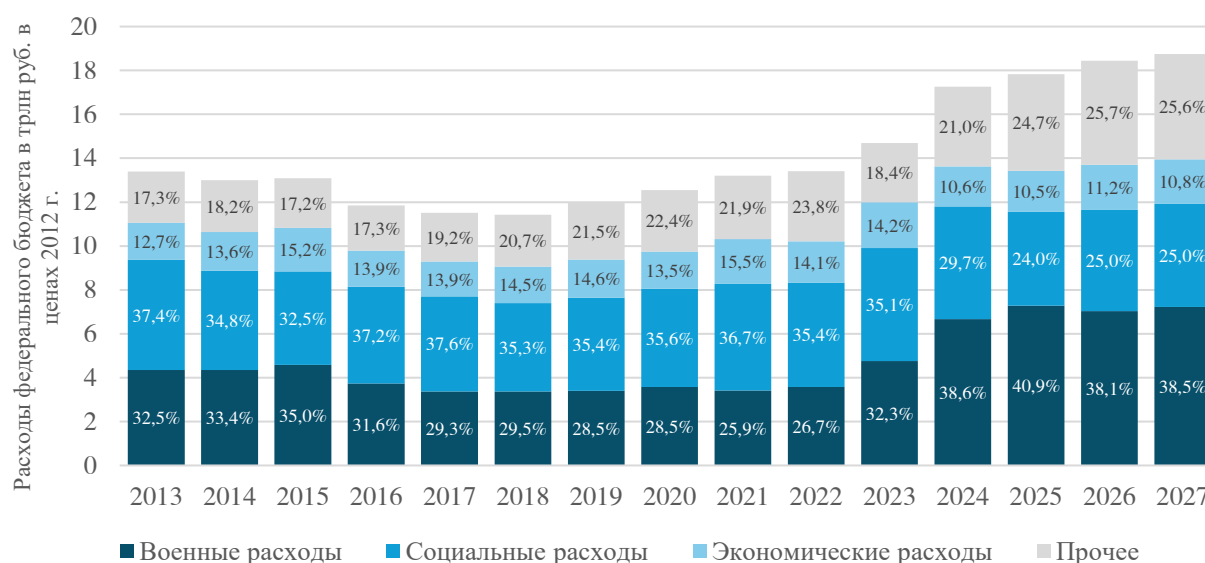

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика и структура расходов федерального бюджета в сопоставимых ценах / Dynamics and Structure of Government Expenditures in Comparable Prices

Источник / Source: составлено авторами по данным проектов федерального бюджета Минфина РФ, из которых взят первый год в проекте (например, 2013 г. взят из проекта ФБ на 2013–2015 гг.) и по индексам потребительских цен на товары и услуги Росстата / Compiled by the authors based on the data of the draft federal budget of the Ministry of Finance of the Russian Federation, from which the first year in the project is taken (for example, 2013 is taken from the draft budget for 2013–2015) and according to the consumer price indices for goods and services of Rosstat.

кнулась со снижением мировых цен на нефть более чем в 3 раза и западными санкциями, введенными после принятия Крыма в состав Российской Федерации. Эти события косвенно связаны друг с другом и их последствия привели к снижению доходов федерального бюджета, которые не были полностью компенсированы даже в результате девальвации рубля. Это оказало долгосрочный эффект — объем государственных расходов в сопоставимых ценах снижался до 2019 г.

Доля расходов на национальную экономику достигала наивысшего значения в 2015 г. (рис. 1), что напрямую связано с присоединением Крыма, поскольку требовались крупные финансовые вложения в строительство инфраструктуры на территории полуострова, а также в 2021 г., когда были реализованы антикризисные меры, направленные на устранение последствий другого геополитического события — пандемии COVID-19.

Проведение СВО, в свою очередь, проявляется на сфере обороны и безопасности — доля этих расходов выросла со среднего уровня ниже 25% в 2021 г. до почти 40% на прогнозный период 2025–2027 гг., хотя до этого даже имела тенденцию к снижению (рис. 2). «Национальная оборона» в проекте федерального бюджета на 2024–2026 гг. впервые стала наиболее крупной статьёй расходов, до этого неизменно уступая расходам на «социальную политику», и с учетом сценарных условий к прогнозу

социально-экономического развития Российской Федерации³ достигнет 6–7% от объема валового внутреннего продукта (далее — ВВП) Российской Федерации.

Таким образом, между геополитическими событиями и динамикой государственных расходов наблюдается явная причинно-следственная связь. Кроме того, если сравнить, в какие годы происходили наиболее сильные изменения объема государственных расходов в сопоставимых ценах, то все верхние позиции занимают годы, следующие непосредственно за выделенными геополитическими событиями: +17,5% в 2024–2023 гг.⁴, +9,5% в 2023–2022 гг., –9,4% в 2016–2015 гг., +5,2% в 2021–2020 гг.

В то же время научный интерес вызывает вопрос о том, влияют ли государственные расходы на экономический рост Российской Федерации. Коэффициент корреляции между динамикой ВДС Российской Федерации и динамикой государст-

³ Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/ (дата обращения: 25.05.2025).

⁴ Высокий прирост государственных расходов связан также с ростом «прочих расходов», ставших следствием денежно-кредитной политики ЦБ РФ (удорожание обслуживания государственного долга, а также государственных обязательств по обеспечению льготной ипотеки в результате роста ключевой ставки).

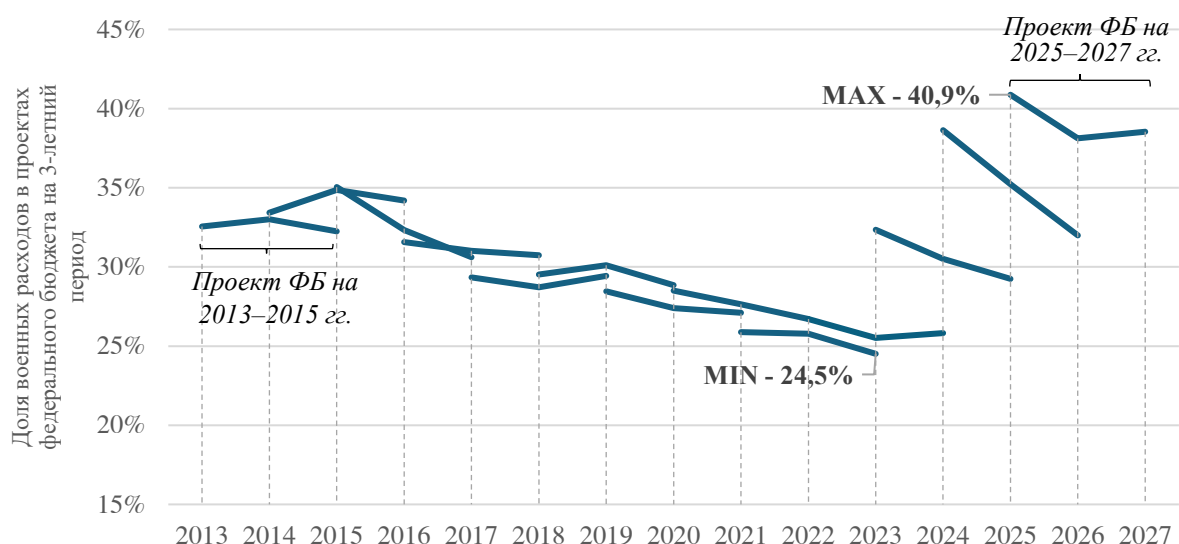

Рис. 2 / Fig. 2. Доля военных расходов в общем объеме федерального бюджета Российской Федерации согласно проектам федерального бюджета на 2013–2015 гг. – 2025–2027 гг. / The Share of Military Expenditures in the Total Federal Budget of the Russian Federation According to the Draft Federal Budget for 2013–2015 – 2025–2027

Источник / Source: составлено авторами по результатам исследования по данным проектов федерального бюджета Минфина РФ / Compiled by the Authors Based on the Data of the Draft Federal Budget of the Ministry of Finance of the Russian Federation.

военных расходов в сопоставимых ценах составляет 0,93 (см. таблицу), что говорит о высоком уровне связи между ними.

Однако на графике эта связь не выглядит очевидной (рис. 3), поскольку в годы снижения государственных расходов объем ВДС все равно показывал рост, пусть и медленный, а в годы резкого роста государственных расходов динамика ВДС оказывалась более умеренной.

В связи с этим были выделены структурные различия как со стороны государственных расходов, так и со стороны ВДС секторов экономики. Во-первых, не все государственные расходы обеспечивают рост экономики. Так, с 2013 по 2020 г. средний темп прироста экономики в год составлял всего +0,6%, что обусловлено не только стагнацией общего объема расходов, но и социальной ориентированностью бюджета.

В то же время в проектах федерального бюджета на 2019–2021 и 2020–2022 гг. было заложено снижение доли социальных расходов на 3–5 п.п., в том числе за счет снижения численности пенсионеров [26] в результате реализации пенсионной реформы [27]. Однако распространение коронавирусной инфекции заставило пересмотреть планы и увеличить расходы на здравоохранение, тем самым увеличив объем и долю социальных расходов (см. проект ФБ на 2021–2023 гг. на рис. 4).

Стоит отметить, что более высокая доля экономических расходов в 2015 г. также не дала прироста

Таблица / Table

Уровень корреляции между типами государственных расходов и динамикой ВДС Российской Федерации за период 2013–2027 гг. / The Level of Correlation Between the Types of Government Spending and the Dynamics of the GVA of the Russian Federation for the Period from 2013 to 2027

Тип государственных расходов / Type of government expenditure	Уровень корреляции с динамикой ВДС России / The level of correlation between the dynamics of Russian GVA and other economic indicators
Военные расходы	0,94
Социальные расходы	0,62
Экономические расходы	0,30
Прочие расходы	0,85
Всего	0,93

Источник / Source: составлено авторами по результатам исследования с учетом макропрогноза Минэкономразвития РФ / Compiled by the authors based on the results of the study according to the macro forecast of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

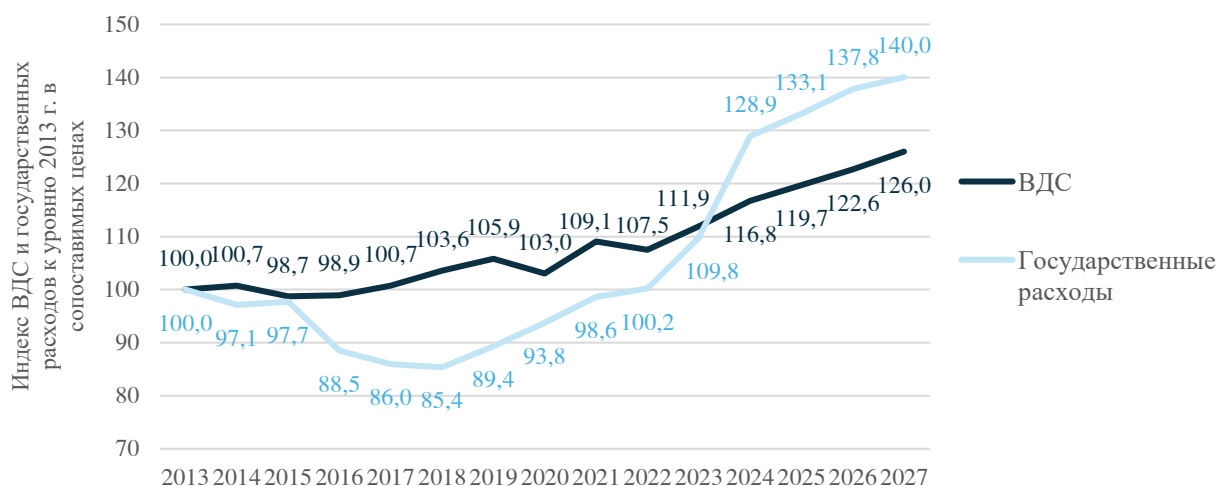

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика ВДС и государственных расходов Российской Федерации к уровню 2013 г. в сопоставимых ценах / Dynamics of the GVA and Government Expenditures of the Russian Federation Compared to the Level of 2013 in Comparable Prices

Источник / Source: составлено авторами по результатам исследования по данным Росстата за фактический период и данным за 2025–2027 гг. из макропрогноза Минэкономразвития РФ / Compiled by the authors based on Rosstat data for the actual period and data for 2025–2027 from the macro forecast of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

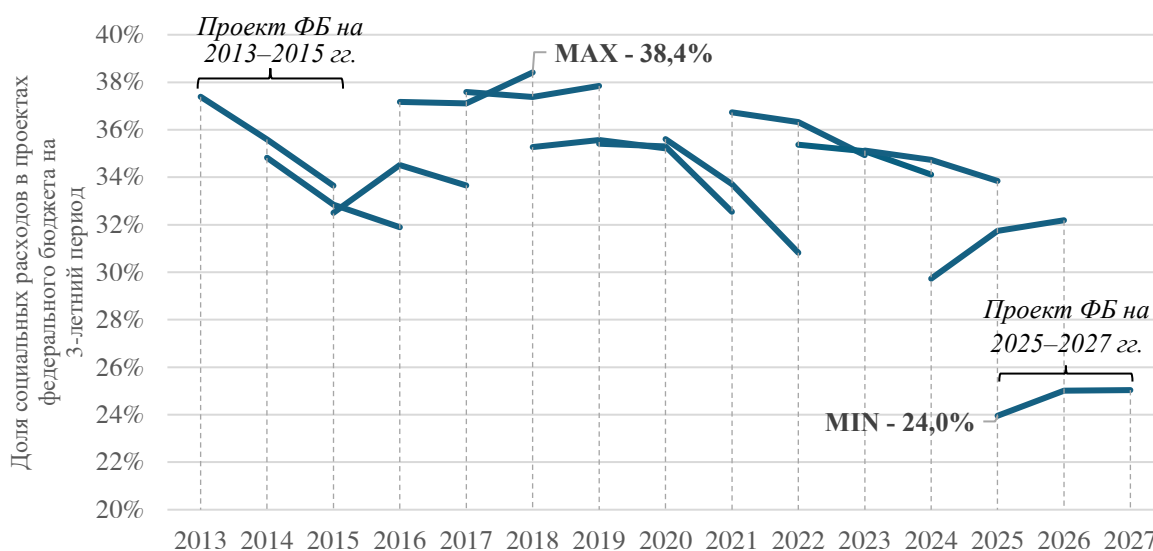

Рис. 4 / Fig. 4. Доля социальных расходов в общем объеме федерального бюджета Российской Федерации согласно проектам федерального бюджета на 2013–2015 гг. – 2025–2027 гг. / The Share of Social Expenditures in the Total Federal Budget of the Russian Federation According to the Draft Federal Budget for 2013–2015 – 2025–2027

Источник / Source: составлено авторами по результатам исследования по данным проектов федерального бюджета Минфина РФ / Compiled by the authors based on the data of the draft federal budget of the Ministry of Finance of the Russian Federation.

ВДС из-за того, что эти расходы имели инфраструктурный характер, которые, как и социальные расходы, в меньшей степени влияют на экономический рост. Кроме того, доля экономических расходов, несмотря на рост, все равно оставалась невысокой.

Вместе с тем в 2021 г., когда доля экономических расходов принимала наиболее высокие значения в общем объеме федерального бюджета (рис. 1), был зафиксирован значительный восстановительный прирост ВДС после пандемии COVID-19. Он был

связан с грамотными антикризисными действиями Правительства РФ по поддержке экономических организаций и предпринимателей.

Однако наиболее высокие темпы прироста ВДС наблюдаются во время проведения СВО (2023–2024 гг.), что совпадает со значительным ростом военных расходов, которые по своему смыслу являются расходами на экономику даже в большей степени, чем статья расходов «национальная экономика». Эти расходы обеспечивают одновременно и повышение

уровня оплаты труда значительной части населения (зарботные платы участников СВО в несколько раз выше средних по регионам [28]), и полную производственную загрузку предприятий ОПК. Большой объем вложений и их распределение по всей территории страны дают высокий мультипликативный эффект для экономического роста страны.

В итоге только некоторые типы государственных расходов имеют прямую связь с динамикой ВДС (см. таблицу), но точно так же только некоторые отрасли экономики чувствительны к изменению государственных расходов на экономику.

К примеру, есть группа отраслей, динамика ВДС которых почти не зависит от экономических или военных расходов федерального бюджета (рис. 5). В частности, динамика ВДС бюджетного сектора (здравоохранение, образование) напрямую связана с социальными расходами, которые в основном равномерны, так как связаны с обеспечением социальных услуг населению и имеют «обязательный» характер.

При этом даже в те годы, когда отрасль получает увеличенное финансирование со стороны государства, как это было в 2021 г. в целях борьбы с распространением коронавируса (прирост на 12,9% г./г.), это вложение имеет краткосрочный эффект. Так, уже в 2022 г. без соответствующей поддержки из федерального бюджета произошел спад на 6,8%.

Если же исключить аномальный для экономики период пандемии COVID-19 (помимо резкого роста в здравоохранении был резкий спад в образовании, в том числе из-за перехода университетов на удаленную форму обучения), то бюджетный сектор показывает умеренный ежегодный прирост (см. периоды 2014–2016 и 2017–2019 гг. на рис. 5).

Есть группа отраслей, которая в целом слабо зависит от государственных расходов. К примеру,

добыча полезных ископаемых зависима, в первую очередь от внешних факторов (влияние курса рубля и введение западных санкций), а не от бюджетной политики государства.

В то же время сельское хозяйство является одним из получателей федеральных средств, но его динамика ВДС в большей степени зависит от сезонности (погодные условия влияют на объем урожая). При этом в пересчете на среднегодовые темпы в отрасли фиксируется умеренный рост во все периоды вне зависимости от геополитических событий (рис. 6).

К числу отраслей, которые также являются получателями федеральных средств, но в большей степени зависят от геополитических событий напрямую, можно отнести сферу туризма. Обвал туристических поездок в период «русской весны» в 2014 г., а затем в период коронавирусных ограничений в 2020–2021 гг., в том числе из-за сокращения числа иностранных туристов, был компенсирован в период восстановительного роста сначала в 2017–2019 гг. (в том числе благодаря проведению чемпионата мира по футболу), а затем за счет роста популярности внутреннего туризма в 2022–2024 гг. (рис. 6). Авиаперевозки при этом, несмотря на большие объемы государственной поддержки, до сих пор не восстановились до уровня 2019 г. из-за ограничений по импорту самолетов и комплектующих, а также сжатия географии международных перелетов.

Основным сектором экономики, на который напрямую повлияли военные расходы, оказался ОПК. При этом динамика по обрабатывающим производствам в целом не сильно выделяется на фоне средней по экономике. Восприимчивыми к росту государственных расходов в последние годы стали такие подотрасли, как «Производство прочих транспортных средств и оборудования» (включает производство двигателей для различных боевых

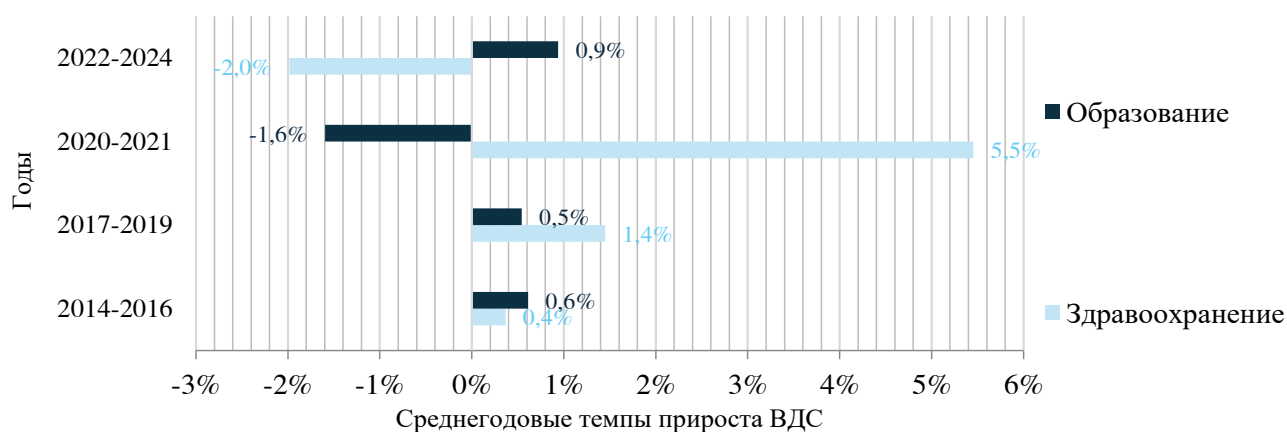

Рис. 5 / Fig. 5. Среднегодовые темпы прироста ВДС в отраслях бюджетного сектора, % / Average Annual Growth Rates of GVA in Sectors of the Economy with a Low Level of Recovery Growth, %

Источник / Source: составлено авторами по данным Росстата / Compiled by the authors based on Rosstat data.

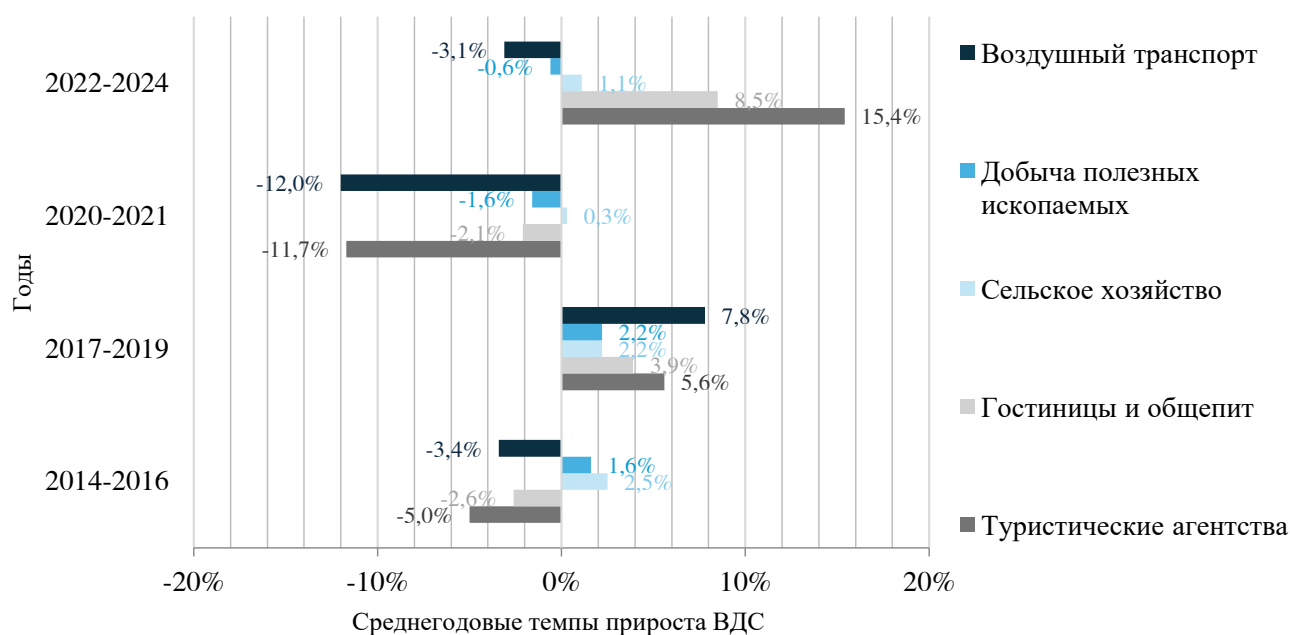

Рис. 6 / Fig. 6. Среднегодовые темпы прироста ВДС в отраслях с низкой чувствительностью к изменению объема государственных расходов, % / Average Annual Growth Rates of GVA in Sectors of the Economy with Low Sensitivity to Changes in Government Spending, %

Источник / Source: составлено авторами по данным Росстата / Compiled by the authors based on Rosstat data.

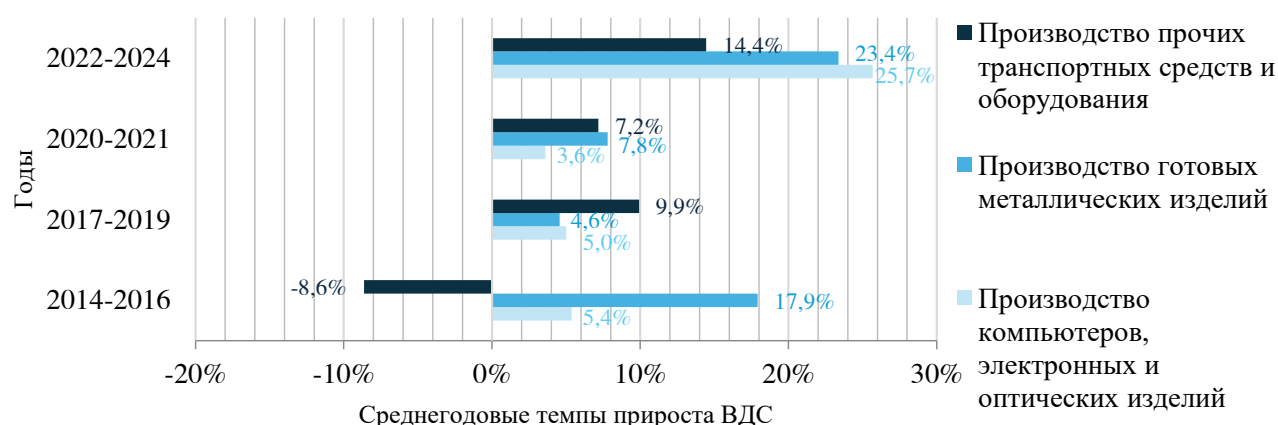

Рис. 7 / Fig. 7. Среднегодовые темпы прироста ВДС в отраслях, связанных с ОПК, % / The Average Annual Growth Rate of GVA in Sectors of the Economy Related to the Military-Industrial Complex, %

Источник / Source: составлено авторами по данным Росстата / Compiled by the authors based on Rosstat data.

машин), «Производство готовых металлических изделий» (включает стрелковое и артиллерийское оружие, боеприпасы), а также «Производство компьютеров, электронных и оптических изделий» (включает радиоэлектронику и приборостроение).

ОПК имеет высокий уровень локализации и независимый рынок сбыта, поэтому государственные расходы становятся для них самым значимым фактором. При этом существенный рост военных расходов произошел только после начала СВО (рис. 2). Именно тогда динамика отраслей ОПК достигла двузначных темпов прироста (рис. 7). В прочие периоды, как например в 2014–2016 гг., резкое снижение производства прочих транспортных средств

(спад производства автобусов и грузовых автомобилей) и резкий рост производства готовых металлических изделий (рост мировых цен на металлы) не были связаны с ОПК.

ВЫВОДЫ

Подводя итог, выделим ключевые положения, полученные в результате исследования.

Объем и структура государственных расходов мгновенно реагируют на происходящие геополитические события, однако бюджетная политика РФ имеет социальную направленность, в связи с чем ее влияние на экономический рост ограничено. При этом, если значимые геополитические события

не происходят, то и структура государственных расходов существенно не меняется.

Традиционно большую долю (в сумме более трети от общего объема) занимают расходы на образование, здравоохранение, социальную политику и т.д. При этом социальные расходы имеют недостаточно высокий уровень корреляции с экономическим ростом страны (коэффициент в 2013–2027 гг. равен 0,62), и даже если объем государственных расходов увеличивается, это приносит лишь краткосрочный эффект для экономики. Так, в 2021 г. рост расходов на здравоохранение в целях борьбы с распространением коронавирусной инфекции обеспечил рост ВДС в здравоохранении на 12,9% лишь в 2021 г. и не создал условия для роста на последующие годы (уже в 2022 г. в результате возвращения объемов расходов на прежний уровень произошел спад ВДС здравоохранения на 6,8%).

Корреляция роста ВДС Российской Федерации с «экономическими расходами» за период 2013–2027 гг. оказалась еще ниже — 0,30, что связано с их низкой долей в общем объеме расходов федерального бюджета (менее 15%). При этом даже в годы роста экономических расходов, как например в период, последовавший за принятием Крыма в состав Российской Федерации, это было зачастую связано с ростом вложений в дорожную и коммунальную инфраструктуру, которые также не обеспечивают долгосрочный экономический рост.

Действительно существенный импульс для экономического роста обеспечили военные расходы, связанные с СВО. Их особенность в том, что они, по своей сути, являются расходами на экономику в большей степени, чем формальная статья расходов федерального бюджета «национальная экономика». Из федерального бюджета были выделены большие средства, которые обеспечили тысячи людей по всей стране высокооплачиваемыми рабочими местами. В отличие от большей части остальных расходов федерального бюджета, их целью было не сбалансированное развитие регионов или финансирование инфраструктуры, а обеспечение заказами наукоемких производств, что имеет высокий мультипликативный эффект.

Таким образом, можно предположить, что по аналогии с военными расходами, которые наблюдаются начиная с 2022 г., бюджетная политика имеет возможности для создания условий роста ВДС и в рамках других отраслей реального сектора экономики, если будет направлена на обеспечение заказами производственных мощностей. При этом важно, чтобы при планировании проекта федерального бюджета, с одной стороны, эти расходы не осуществлялись в виде равномерного распределения по всей территории (без концентрации ресурсов в точках роста), а с другой — не ограничивались лишь небольшим количеством отдельно взятых регионов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда № 25-18-00891 «Организационно-экономические механизмы, обеспечивающие снижение рисков в экономике России в условиях внешней критической нестабильности с существенной компонентой неопределенности» 2025 г. Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The study was performed within the framework of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-18-00891 “Organizational and economic mechanisms for reducing risks in the Russian economy in conditions of external critical instability with a significant component of uncertainty” 2025. The Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалева Е.А. Оборонно-промышленный комплекс России в условиях экономических санкций. Междунар. науч.-практ. конф. «Трансформация систем управления: новые задачи и горизонты». (Курск, 27 апреля 2023 г.). Курск: Курский государственный университет; 2023:71–75.
2. Николаев И.А. Драйверы экономического роста: возможности и перспективы их использования в подсанкционной экономике России. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2023;(1):58–74. DOI: 10.52180/2073–6487_2023_1_58_74
3. Korovkin V., Makarin A. Conflict and intergroup trade: Evidence from the 2014 Russia-Ukraine crisis. *American Economic Review*. 2023;113(1):34–70. DOI: 10.1257/aer.20191701
4. Федотова М.А., Погодина Т.В., Карпова С.В. Оценка тенденций и перспектив развития экономики России в условиях санкционного давления. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(1):6–19. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-6-19

5. Комлева Н.А. Геополитические последствия пандемии COVID-19. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2020;(3–2):98–100.
6. Chupilkina M., Kóczán Z. The economic consequences of war: Estimates using synthetic controls. European Bank for Reconstruction and Development Working Paper. 2022;(271). URL: https://www.ebrd.com/content/dam/ebd_dxp/assets/pdfs/office-of-the-chief-economist/working-papers/working-papers-2022/WP-271.pdf (accessed on 28.05.2025).
7. Federle J., et al. The price of war. Kiel Working Paper. 2024;(2262). URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/283893/1/1881532291.pdf> (accessed on 31.05.2025).
8. De Groot O.J., et al. The global economic burden of violent conflict. *Journal of Peace Research*. 2022;59(2):259–276. DOI: 10.1177/00223433211046823
9. Ilzetzki E. Learning by necessity: Government demand, capacity constraints, and productivity growth. *American Economic Review*. 2024;114(8):2436–2471. DOI: 10.1257/aer.20230033
10. Barcellos J.M.V.B. The military-industrial complex and its foundations: Geopolitics, development, and technological advance. *Coleção Meira Mattos*. 2022;16(56):327–351. DOI: 10.52781/cmm.a076
11. Линников А.С. Влияние международных санкций на деятельность иностранных компаний в России. *Вестник Финансового университета*. 2017;21(3):141–148. DOI: 10.26794/2587–5671–2017–21–3–141–148
12. Клементс Б., Гупта С., Хамидова. Военные расходы в эпоху после пандемии. *Финансы & развитие*. 2021;(Июнь):58–61. URL: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/Fandd/Article/2021/June/RU/clements-ru.ashx>. (дата обращения: 31.05.2025).
13. Федорова Е.А., Губанов А.А. Эффективность проектов государственно-частного партнерства в период пандемии COVID-19. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(3):6–18. DOI: 10.26794/2587–5671–2024–28–3–6–18
14. Егорова Ю.В., Непп А.Н., Тищенко И.И. Эволюция влияния COVID-19 на фондовый рынок России: эффект паники. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(2):192–205. DOI: 10.26794/2587–5671–2024–28–2–192–205
15. Romer C.D. The fiscal policy response to the pandemic. *Brookings Papers on Economic Activity*. 2021;(Spring):89–110. DOI: 10.1353/eca.2021.0009
16. Полякова О.А., Аландаров Р.А. Бюджетная политика Российской Федерации в условиях экономической неопределенности. *Вестник Финансового университета*. 2015;(5):6–12.
17. Глазьев С.Ю. Потенциальные возможности роста российской экономики и денежно-кредитная политика Банка России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018;11(5):30–48. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.2
18. Cevik S., Miryugin F. It's never different: Fiscal policy shocks and inflation. *Comparative Economic Studies*. 2025;67(1):186–220. DOI: 10.1057/s41294–024–00238-w
19. Khan N. Does inflation targeting really promote economic growth? *Review of Political Economy*. 2022;34(3):564–584. DOI: 10.1080/09538259.2021.1902165
20. Pollin R., Bouazza H. Considerations on inflation, economic growth, and the 2 per cent inflation target. *Review of Keynesian Economics*. 2024;12(4):453–474. DOI: 10.4337/roke.2024.0006
21. Бышев В.А., Мешкова Е.И. Стимулирование кредитной активности банковского сектора с целью содействия экономическому росту. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(6):49–58. DOI: 10.26794/2587–5671–2024–28–6–49–58
22. Глазьев С.Ю., Сухарев О.С., Афанасьева О.Н. Монетарная политика России: негативный накопительный эффект в рамках неоклассической модели и его преодоление. *Микроэкономика*. 2022;(2):5–38. DOI: 10.33917/mic-2.103.2022.5–38
23. Глазьев С.Ю., Сухарев О.С. Экономический рост и монетарная политика России. *Journal of New Economy*. 2025;26(1):6–30. DOI: 10.29141/2658–5081–2025–26–1–1
24. Пестова А.А., Ростова Н.А. Экономические эффекты монетарной политики в России: о чем говорят большие массивы данных? *Вопросы экономики*. 2020;(4):31–53. DOI: 10.32609/0042–8736–2020–4–31–53
25. Рязанцев С.В., Рыбаковский Л.Л. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения. *Вестник Российской академии наук*. 2021;91(9):810–819. DOI: 10.31857/S 0869587321090085
26. Варфоломеева Е.В., Туркулец А.В. Проблемные аспекты пенсионной реформы Российской Федерации. Правовая реальность в условиях цифровизации общества. Мат. Всерос. науч.-практ. конф. (Хабаровск-Южно-Сахалинск, 09–11 ноября 2023 г.). Хабаровск: ДВГУПС; 2023:131–136. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54770488_24518105.pdf (дата обращения: 02.06.2025).

27. Кашепов А.В. Пенсионная реформа: предварительные результаты и оценка их влияния на экономическое положение старших возрастных групп населения. *Социально-трудовые исследования*. 2023;(3):56–67. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-56-67
28. Белоусов Д. Тетрадь 1. Как развивалась экономика в 2023 и начале 2024 гг. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП). 2024. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2024/TT1_2024.pdf (дата обращения: 16.06.2025).

REFERENCES

1. Kovaleva E. A. Military-industrial complex of Russian under economic sanctions. In: Proc. Int. sci.-pract. conf. "Transformation of management systems: New tasks and horizons" (Kursk, April 27, 2023). Kursk: Kursk State University; 2023:71–75. (In Russ.).
2. Nikolaev I. A. Drivers of economic growth: Opportunities and prospects in the sub-sanctioned economy of Russia. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023;(1):58–74. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_1_58_74
3. Korovkin V., Makarin A. Conflict and intergroup trade: Evidence from the 2014 Russia-Ukraine crisis. *American Economic Review*. 2023;113(1):34–70. DOI: 10.1257/aer.20191701
4. Fedotova M. A., Pogodina T. V., Karpova S. V. Assessment of trends and prospects for the development of the Russian economy in the context of sanctions pressure. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(1):6–19. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-1-6-19>
5. Komleva N. A. The geopolitical consequences of the COVID-19 pandemic. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo = Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*. 2020;(3–2):98–100. (In Russ.).
6. Chupilkin M., Kóczán Z. The economic consequences of war: Estimates using synthetic controls. European Bank for Reconstruction and Development Working Paper. 2022(271). URL: https://www.ebrd.com/content/dam/ebd_dxp/assets/pdfs/office-of-the-chief-economist/working-papers/working-papers-2022/WP-271.pdf (accessed on 28.05.2025).
7. Federle J., et al. The price of war. Kiel Working Paper. 2024;(2262). URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/283893/1/1881532291.pdf> (accessed on 31.05.2025).
8. De Groot O. J., et al. The global economic burden of violent conflict. *Journal of Peace Research*. 2022;59(2):259–276. DOI: 10.1177/00223433211046823
9. Ilzetzki E. Learning by necessity: Government demand, capacity constraints, and productivity growth. *American Economic Review*. 2024;114(8):2436–2471. DOI: 10.1257/aer.20230033
10. Barcellos J. M. V. B. The military-industrial complex and its foundations: geopolitics, development, and technological advance. *Coleção Meira Mattos*. 2022;16(56):327–351. DOI: 10.52781/cmm.a076
11. Linnikov A. S. The impact of international sanctions on activities of foreign companies in Russia. *Vestnik Finansovogo universiteta = Bulletin of the Financial University*. 2017;21(3):141–148. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2017-21-3-141-148>
12. Clements B., Gupta S., Khamidova S. Military spending in the post-pandemic era. *Finansy & razvitie = Finance & Development*. 2021(June):58–61. URL: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/Fandd/Article/2021/June/RU/clements-ru.ashx> (accessed on 31.05.2025).
13. Fedorova E. A., Gubanov A. A. Effectiveness of public-private partnership projects during the COVID-19 pandemic. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(3):6–18. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-3-6-18
14. Egorova Yu. V., Nepp A. A., Tishchenko I. I. Evolution of COVID-19 impact on Russian stock market: Panic effect. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(2):192–205. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-2-192-205
15. Romer C. D. The fiscal policy response to the pandemic. *Brookings Papers on Economic Activity*. 2021;(Spring):89–110. DOI: 10.1353/eca.2021.0009
16. Polyakova O. A., Alandarov R. A. Budgetary policy of the Russian Federation in conditions of economic uncertainty. *Vestnik Finansovogo universiteta = Bulletin of the Financial University*. 2015;(5):6–12. (In Russ.).
17. Glazyev S. Yu. Potential opportunities for the growth of the Russian economy and the monetary policy of the Bank of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2018;11(5):30–48. (In Russ.: *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2018;11(5):30–48. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.2).
18. Cevik S., Miryugin F. It's never different: Fiscal policy shocks and inflation. *Comparative Economic Studies*. 2025;67(1):186–220. DOI: 10.1057/s41294-024-00238-w
19. Khan N. Does inflation targeting really promote economic growth? *Review of Political Economy*. 2022;34(3):564–584. DOI: 10.1080/09538259.2021.1902165

20. Pollin R., Bouazza H. Considerations on inflation, economic growth, and the 2 per cent inflation target. *Review of Keynesian Economics*. 2024;12(4):453–474. DOI: 10.4337/roke.2024.0006
21. Byvshev V.A., Meshkova E.I. Banking sector lending activity stimulation to promote economic growth. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(6):49–58. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-6-49-58
22. Glazyev S. Yu., Sukharev O.S., Afanasyeva O.N. Monetary policy in Russia: Negative cumulative effect in the framework of the neoclassical model and its overcoming. *Mikroekonomika = Microeconomics*. 2022;(2):5–38. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.33917/mic-2.103.2022.5-38>
23. Glazyev S. Yu., Sukharev O.S. Economic growth and monetary policy in Russia. *Journal of New Economy*. 2025;26(1):6–30. (In Russ.). DOI: 10.29141/2658-5081-2025-26-1-1
24. Pestova A.A., Rostova N.A. Economic effects of monetary policy in Russia: What do large datasets tell us? *Voprosy ekonomiki*. 2020;(4):31–53. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2020-4-31-53
25. Ryazantsev S.V., Rybakovsky L.L. Demographic development of Russia in the XX–XXI centuries: Historical and geopolitical dimensions. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk = Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2021;91(9):810–819. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31857/S_0869587321090085
26. Varfolomeeva E.V., Turkulets A.V. Problematic aspects of pension reform in the Russian Federation. In: Legal reality in the context of digitalization of society. Proc. All-Russ. sci.-pract. conf. (Khabarovsk-Yuzhno-Sakhalinsk, November 09–11, 2023). Khabarovsk: Far Eastern State Transportation University; 2023:131–136. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54770488_24518105.pdf (accessed on 02.06.2025). (In Russ.).
27. Kashepov A.V. Pension reform: Preliminary results and assessment of their impact on the economic situation of older age groups of the population. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social & Labour Research*. 2023;(3):56–67. (In Russ.). DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-56-67
28. Belousov D. Notebook 1. How the economy developed in 2023 and early 2024. Center for Macroeconomic Analysis and Short-Term Forecasting (CMASF). 2024. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2024/TT1_2024.pdf (accessed on 16.06.2025). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Ангелина Игоревна Егорова — младший научный сотрудник, заместитель директора по международному развитию, Центральный экономико-математический институт Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация

Angelina I. Egorova — Junior Researcher, Deputy Director for International Development, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-7675-4680>

snp077@yandex.ru

Никита Сергеевич Леоненко — аспирант, экономический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Nikita S. Leonenko — Postgraduate Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7669-9899>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

nikita.leonenko@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; после рецензирования 06.07.2025; принята к публикации 22.07.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 06.06.2025; revised on 06.07.2025 and accepted for publication on 22.07.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.